

Восьмая глава

КНИГА АЛЕКСИСА ТОКВИЛЯ О ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКЕ

Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею.

Пушкин
Письмо к Чаадаеву

После Лицея интеллектуальные интересы Пушкина разрастаются, захватывают все более широкие пласты культуры, включая разнообразные достижения европейской мысли (философия, искусство, эстетика). В южной и северной ссылках идет неустанная, напряженная умственная работа. Интеллектуальный кругозор поэта неизменно расширяется, в обиход входят новые имена (европейские писатели, теоретики искусства, ученые, экономисты, религиозные мыслители). В написанном в Кишиневе в мае 1821 г. послании *Чадаеву* поэт как бы маркировал новый этап «самообразования»:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
(II, 187; курсив мой. — Л. В.)

Пушкину свойственен критический подход к любому модному веянию, он ничего не принимает «на веру»: у него *своя* концепция «вольтерьянства», «руссоизма», «байронизма», «шатовбрианизма».

Одна из важных социально-политических идей, занимавших в тридцатые годы европейские умы, — демократическое устройство общества. В связи с ней — особый интерес к США. Европа ревниво следила за первыми шагами молодой республики, попеременно отдавая дань то восхищению, то недоверию. Оказалось, что не только деятели новой истории могут быть «мифогенными» (Наполеон), но и юные страны. В этом отношении важным событием культурной жизни Франции (да и всей Европы) стал выход в 1835 г. в Париже книги Шарля Алексиса де Токвиля *О демократии в Америке* (Charles Alexis de Tocqueville. *De la Démocratie en Amérique*). Она вызвала живой интерес и мгновенно стала классическим образцом описания социально-политической системы чужой страны.

Пушкин узнал о ней впервые из *Хроники Русского* А. И. Тургенева, присланной для первого номера *Современника* (подписан цензором 31 марта 1836 г.), где тот 16/II записал: «...вчера провел вечер на чтении Токвиля “О демократии (в Америке)”»¹. А. И. Тургенев стремился привлечь интерес русского читателя к книге и одновременно *успокоить* цензора: «Талейран называет его книгу умнейшею и примечательнейшею книгою нашего времени; а он знает и Америку, и сам Аристократ, так как и Токвиль, которого все связи с Сэнжерменском предместьем»².

По-видимому, Пушкин прочел книгу весной 1836 г., мгновенно приобрел ее для своей библиотеки и тут же упомянул Токвиля в статье *Джон Теннер* («Современник», 1836. Т. 3. Подписан к печати в сентябре 1836 г.). Как видим, знакомство поэта с книгой Токвиля и создание статьи *Джон Теннер* проходили почти одновременно, в его сознании имена французского мыслителя и полуграмотного «белого» индейца оказались органически связанными.

Тот факт, что поэт пожелал перевести на русский язык отрывки из французского издания книги Теннера *Рассказ о пленении и приключениях Джона Теннера в течение тридцати лет его жизни среди индейцев в Северной Америке*, вышедшей в Париже в 1835 г. (английский оригинал был издан в Нью-Йорке в 1830 г.), сам по себе знаменателен: Пушкин редко переводил прозу. По-видимому, ему было важно дать русскому читателю общее представление о США, о положении индейцев, об особенностях американской цивилизации. Об индейцах европейцы знали по романам, следовало их познакомить с реальным состоянием вещей: «Но Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения» (XII, 104).

Пушкин подтверждает свою мысль словами Вашингтона Ирвинга, процитированными в предисловии к переводу книги Теннера на французский язык Э. Блосвилем: «Дикари, выставленные в романах, так же похожи на настоящих дикарей, как идилические пастухи на пастухов обыкновенных» (XII, 105).

Книга Теннера произвела настолько сильное впечатление на поэта, что он решился на подробное изложение (и даже на частичный перевод) истории жизни сына бедного священника, похищенного в детстве индейцами. Видимо, в наивном рассказе полуграмотного автора Пушкин нашел подтверждение важным для него мыслям: «...показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации» (XII, 104).

В публицистически заостренном вступлении к пересказу, а также в своих комментариях к словам Теннера Пушкин выразил негативную оценку методов американских «цивилизаторов»: «Препятствия, нужды, встречаемые индейцами <...> превосходят все, что можно вообразить» (XII, 105).

¹ Тургенев А. И. Париж (Хроника Русского) // Современник. 1836. Т. 1. С. 273.

² Там же.

Теннер и Токвиль, прочитанные поэтом почти одновременно, в чем-то звучали в унисон, дополняя друг друга и освещая действительность с разных сторон. Некоторые картины из *Демократии в Америке*, врезавшиеся в память Пушкину, а также мысли Токвиля, высказанные в главе *Современное состояние и возможное будущее индейских племен*, находили своеобразное подтверждение в простодушном рассказе аборигена. Мотивируя глубинные причины обреченности индейцев, Токвиль раскрывает вовсе не очевидные на первый взгляд механизмы вытеснения их с исконных земель. Как это ни парадоксально, фатальную роль в этом процессе сыграло поведение диких животных: они задолго до появления белых чувствовали их приближение и спешно покидали опасные места. У индейцев не было другого выхода, как следовать за зверями, ведь те — их *пища, одежда, тепло*: «...строго говоря, не европейцы сгоняют американских индейцев с их земель, их гонит голод»¹, обрекая «на кочевую жизнь, полную невыносимых страданий» (239). Заимствуя у Токвиля объяснение, а у Теннера реалии², Пушкин в тех же терминах строит свой комментарий: «Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам <...>. Проваливаясь в пропасти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства к ее поддержанию» (XII, 105).

Пушкин не сомневается в подлинности рассказа Теннера. Примечательно, что в связи с проблемой аутентичности книги Теннера поэт упоминает именно имя Токвиля, два наблюдателя жизни индейцев оказались органично связанными одним контекстом: «Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочим Токвиль, автор славной книги: *De la démocratie en Amérique*) видели его и купили от него самого его книгу» (XII, 105).

Статья Пушкина *Джон Теннер* и возникающая в связи с ней тема «Пушкин и Токвиль» исследованы недостаточно. «Вопрос о действительных источниках этой статьи в советском пушкиноведении, — писал М. П. Алексеев, — затронут еще слишком слабо, чтобы мы могли отделить в ней свое от чужого...»³. И все же можно попытаться это сделать. В черновике не отправленного к П. А. Чаадаеву письма от 19/X 1836 г. (оно, возможно, все же было прочитано Чаадаевым после гибели поэта⁴) Пушкин проявил живой интерес к книге фран-

цуза: «Читали <ли Вы> Токвиля? <...> Я еще под горячим впечатлением от его книги и *совсем напуган ею*» (XVI, 261; курсив мой. — Л. В.). Непосредственная, эмоциональная реакция, безусловно, — «свое». Чем же «напуган» Пушкин?

Книга Токвиля, предельно насыщенная фактическим материалом, в целом — апологетическая. Писатель дает высокую оценку политической системы США, независимости отдельных штатов, административного и судебного устройства. Он в восторге от позитивных результатов демократических свобод и мечтает о чем-то подобном для Европы: «И мне представилось, что та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе <...> Вся эта книга была написана в состоянии священного трепета, охватившего душу автора при виде этой неудержимой революции» (129).

Однако, как это ни парадоксально, одновременно с восхищением книгу провозглашают щемящие ноты разочарования и тревоги. Автор неожиданно для себя обнаружил зловещие «издержки» демократии: недостаток духовности, отсутствие подлинной культуры и образования (оно здесь исключительно *низшее* и его, увы! хватает). Фатально набирает силу процесс нивелировки личности, исчезают таланты, они поглощаются болотом «усредненности»: «...великие ученые станут редкостью» (345). С этой идеей органически связана проблема *всесилия большинства* (характерны подзаголовки глав: *Произвол большинства; О том, как большинство в Соединенных Штатах властвует над мыслью; Всесилие большинства таит в себе самую большую опасность для американских республик*).

Особое внимание Токвиль уделяет проблеме искусства. В главе «С какой целью американцы занимаются искусством» он раскрывает специфическое понимание функции искусства в США, определяемое во многом прагматическим подходом: «Воздух здесь пропитан корыстолюбием, и человеческий мозг, беспрепятственно отвлекаемый от удовольствий, связанных со свободной игрой воображения и с умственным трудом, не практикуется ни в чем ином, кроме как в погоне за богатством» (337). Как он считает, чрезмерное стремление к благосостоянию «заставляет людей развивать в своем сердце вкус к полезному за счет любви к прекрасному» (344).

Видимо, эти щемящие ноты и *напугали* Пушкина. Он стремится быть объективным и признает многие достоинства молодой республики: «Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упорченным географическим ее положением, гордая своими учреждениями» (XII, 104).

Однако к демократическому правлению он явно относится с настороженностью и не разделяет доминирующей в книге Токвиля интонации. На его взгляд, нельзя восхищаться устройством общества, если в нем отсутствуют условия для разностороннего развития человека.

Можно предположить, что немаловажной для поэта оказалась позиция Токвиля по отношению к аристократии. Пушкин не мог не заметить в биографии француза сходство с собственной судьбой: автор книги, воспевающей демократию, был потомственным графом, принадлежащим к обедневшему аристократи-

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке // Пер. В. П. Олейника и др. М., 1992. С. 242. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

² См.: Вольперт Л. И. Книга А. Токвиля «О демократии в Америке». Пушкин и европейское мышление // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Тарту, 2001. С. 109–125.

³ См.: Алексеев М. П. Пушкин и Токвиль // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 548. Здесь же дана литература по проблемам «Россия XIX в. — США», «Европейцы XIX в. — США», «Пушкин и Джон Теннер».

⁴ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и Чаадаев (последнее письмо) // Россия / Russia. 1998. № 6. С. 3–23.

ческому роду (отличие их биографий в трагизме террора — дед Токвиля, защищавший короля перед Конвентом, был в 1793 г. гильотинирован).

Так же, как и русский поэт, француз высоко ставит культурную миссию аристократии и с горечью отмечает упадок в США аристократических родов (они имелись к югу от Гудзона), которые незаметно *растворяются* и *исчезают*. Поэт находит у Токвиля подтверждение своей излюбленной мысли: представители древних родов — носители исторической памяти, истинной образованности, чести и благородства («В аристократические периоды широкое хождение получают самые различные идеи, связанные с представлениями о достоинстве, могуществе и величии человека» — 342).

Пушкину важно, что благодаря книге Токвиля миру внезапно открылась малопривлекательная этическая доминанта США: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort) <...> такова картина Американских штатов, недавно выставленная перед нами» (XII, 104).

Примечательно, что пушкинская характеристика США совпала с мнением глубоко им почитаемого другого французского мыслителя — Сисмонди. Не случайно в *Записке о народном воспитании*, настаивая на необходимости преподавания в учебных заведениях политической экономии, поэт упомянул именно его имя («...по новейшей системе Сея и Сисмонди...» (XI, 316)). Можно предположить, что Пушкин был знаком с опубликованной в октябре 1825 г. в «Московском телеграфе» статьей Сисмонди *Об уравнении потреблений с произведениями*, в которой автор высказал близкое поэту мнение о США: «Основной интерес в жизни — барыш, и в самой свободной стране самую свободу стали ценить меньше, чем прибыль. Расчетливость и дух делячества присущи даже детям <...> Дух этот накладывает на моральную физиономию народа такое пятно, которое нелегко будет стереть»¹.

Пушкинским тревогам отвечает и опасение Токвиля по поводу возможного возникновения новых форм политического деспотизма: «Такая тиранья большинства может привести к автократии и всевластию одного, по отношению к которому все равны в своем ничтожестве» (345). Как мы знаем, на взгляд Пушкина, только родовитое дворянство может противостоять деспотизму самодержавия, в его оттеснении — считал он — «средство окружить деспотизм преданными наемниками и подавить всякую оппозицию» (VII, 53).

Элегические мотивы по поводу исчезновения древних родов звучали уже со времен его ранней прозы, в середине тридцатых годов они заметно усилились. Именно 1836 г. Пушкин возвращается к замыслу неоконченной поэмы *Езерский* (1832) и печатает несколько строф из нее в «Современнике»:

Мне жаль
Что нашей славы звуки
Уже нам чужды. Что проста
Из бар мы лезем в tiers-état
<...> что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух <...>
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел...
(V, 101)

Слышится прямая перекичка с Токвилем. Вместе с тем эти мысли непосредственно связаны с рассуждениями поэта о России, о Булгарине, упоминаемом, кстати, в этом стихотворении («...что их поносит шут Фиглярин»). Видимо, есть здесь и намек на теорию «официальной народности», ориентированную на массовое сознание, «усредненность» личности (своеобразный реакционный демократизм), сравнительно недавно сформулированную Уваровым, отношения с которым у Пушкина к 1836 г. заметно обострились. Конечно, сравнение с Россией условно, в ней нет демократического правления, но знаки ущербности такого правления Пушкину открыты.

Таким образом, в апологетической в целом книге Пушкин сумел уловить и «сублимировать» все разбросанные критические замечания Токвиля: об изъянах демократии, об опасности тиранических режимов, о нравственном и культурном оскудении. Становится понятно, почему поэт «совсем напуган» книгой Токвиля и почему пушкинское вступление к статье содержит такие инвективы в адрес общественного устройства США: «большинство, нагло притесняющее общество, <...> родословные гонения в народе, не имеющем дворянства <...> талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму» (XII, 105).

В середине тридцатых годов Пушкин вообще мало верит в возможность политического преобразования мира. Испытав разочарование в дворянской революции, бесконечно далекой от народа, в тактике карбонариев («Но какой же народ верит свои права тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?»; XIII, 55), в народном бунте, не видя «золотого века» позади, не принимая действительности, не обольщаясь и парламентаризмом («слова, слова, слова»; III, 369), он обращается к этическим проблемам. Именно летом 1836 г. Пушкин знакомится с книгой Токвиля *О демократии в Америке*, пишет статью *Записки Джона Теннера*, читает *Опыт об английской литературе* Шатобриана, начинает для «Современника» статью *О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»*. При всем кажущемся различии этих произведений, между ними есть глубокая связь: они так или иначе идейно соотносятся с проблемой независимости личности.

Об узлом противопоставлении свободы *истинной* и свободы *мнимой* (la liberté vraie et la liberté fausse) Пушкин узнал уже в юности из работ де Сталь,

¹ Цит. по: *Аникин А. В.* Муза и мамона: Соц.-экономич. мотивы у Пушкина. М., 1989. С. 89.

Шатобриана и Сисмонди, однако французские мыслители в то время большей частью использовали оппозицию *мнимой* и *истинной* свободы в применении к политическим коллизиям. Их концепцию Пушкин теперь принимает в расширительном смысле. В самый трагический год жизни он переносит проблему в этический план. Идея самоценности индивидуума нашла яркое выражение в одном из самых «европейских» стихотворений Пушкина — *Из Пиндемонти* (1836).

Так же, как когда-то *Вольность* стала знаком пушкинского юношеского либерализма, *Из Пиндемонти* — одно из лучших последних лирико-философских стихотворений поэта, в какой-то мере его завещание — стало воплощением его этической позиции в последний год жизни. Стихотворение опосредовано связано с книгой Сисмонди *О литературе южной Европы*, из которой Пушкин, по мнению Б. В. Томашевского, узнал об Ипполите Пиндемонте (в книге стихи итальянского поэта обильно цитировались), но и, на наш взгляд, с книгой Токвиля. Как нам представляется, *Демократия в Америке* стала для Пушкина своеобразным импульсом к созданию стихотворения, в нем звучит и приятие концепции Токвиля, и принципиальный спор с ним.

В книге француза есть важная для понимания творческой связи со стихотворением Пушкина глава *Об индивидуализме в демократических странах*. Анализируя ситуацию в США, автор как бы находит известный противовес процессу «нивелировки» личности в этой стране — *индивидуалистическую мораль*. Понятие «индивидуализм», по утверждению Токвиля, только что появилось, оно еще настолько «свежее», что нуждается в определении. Токвиль пытается его формализовать: «Индивидуализм — это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом» (373).

Для Пушкина также важен моральный аспект проблемы: никакое политическое устройство не способно дать человеку свободу, истинная свобода — свобода внутренняя. Узловая мысль стихотворения *Из Пиндемонти*: «Иная, лучшая потребна мне свобода». О том же пишет и Токвиль: «Я думаю, что демократические народы испытывают естественное стремление к свободе; будучи предоставленными самим себе, они ее ищут, любят и болезненно переживают ее утрату» (373).

В главе об индивидуализме Токвиль защищает право на внутреннюю свободу и право на принципиальное *неучастие* в делах общества. Пушкин присоединяется к такому взгляду:

Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно...
...для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.

Этический пафос стихотворения *Из Пиндемонти* по отношению к книге Токвиля, можно сказать, амбивалентный: поэт присоединяется к гимну внутренней свободе, звучащему в цитированных строках, но одновременно разрешает себе иронию над «святой святых» токвилевской демократии — «свободой печати» (глава *О свободе печати в Соединенных Штатах*) и над важностью проблемы налогообложения:

Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.¹
(III, 1, 420)

Описывая позицию Пушкина, А. Эткинд вводит по отношению к стихотворению *Из Пиндемонти* понятие «негативная свобода» и справедливо квалифицирует процитированные строки как спор поэта с Токвилем, который, по мнению ученого, продолжал верить «...в необходимость всеобщего политического участия, ценить прелесть позитивной свободы»². Но с мыслью А. Эткинда о том, что «минус-прием» поэта близок концепции анархистов и в дальнейшем мог бы привести к бунтарской позиции à la Бакунин (исследователь цитирует слова Бакунина, прямо отсылающие к Пушкину: «...сплотим все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, *осмысленную и беспощадную*»³), согласиться трудно. На наш взгляд, позицию Пушкина правильнее определить как некоторую *отстраненность* от официальных взглядов, нежелание участвовать в общественной жизни. Намека на бунтарство в ней нет. Можно предположить, что, скорее всего, увлекшись спором с Токвилем, поэт на какой-то момент изменил себе и «переборщил», дал волю минутному порыву. Гораздо более «по-пушкински» звучали его известные слова, написанные приблизительно в то же самое время в письме Чаадаеву от 9/X 1836 г.: «Это отсутствие общественного мнения, это без-

¹ На тему этой статьи мною был прочитан доклад на пушкинской конференции (Рим — Венеция) в октябре 1998 г. Одновременно со мной к мысли о связи пушкинской рецепции книги Токвиля со стихотворением *Из Пиндемонти* пришел А. Эткинд. Я благодарна ему за предоставленную мне возможность в марте 1999 г. ознакомиться с текстом его неопубликованной статьи *Иная свобода: как Пушкин читал Токвиля*. Эта статья в расширенном виде была позже издана под другим названием: *Эткинд А. Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // Знамя. 1999. № 6. С. 179–203.*

² *Эткинд А.* Указ. соч. С. 200.

³ *Бакунин М. А.* Прокламация 1869 года // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Озерову. Женева, 1896. С. 473–474.

различие к тому, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к мысли и достоинству человека, приводят в отчаяние» (XVI, 393).

Б. В. Томашевский считал, что Пушкин узнал об Ипполите Пиндемонте из книги Сисмонди *О литературе Южной Европы*, в которой стихи итальянского поэта обильно цитируются¹. Действительно, Сисмонди интересовал Пушкина не только и даже не столько как экономист, но, в первую очередь, как историк и литературный критик. Поэт просил летом 1831 г. М. П. Погодина купить для него *Историю французов* Сисмонди, а в письме к брату Льву из Тригорского 14 марта 1825 г., посылая книжный заказ, среди прочих произведений просит прислать Сисмонди *О литературе Южной Европы (De la Littérature du Midi de l'Europe)*: «...да Sismondi (littérature)...» (XIII, 151).

Токвиль завершает первую часть *Демократии в Америке* принципиально важным для него размышлением. Хотя фрагмент несколько обширен, представляется уместным привести его целиком: «В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англоамериканцы. Оба эти народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал об их существовании, об их силе. <...> Развитие остальных народов уже остановилось или требует бесчисленных усилий, они же легко и быстро идут вперед, к пока еще неизвестной цели. Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми <...>. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, а русские — солдатским штыком. В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство».

Оценка России Токвилем противоречива, но в целом позитивна: он предсказывает стране великое будущее. Естественно и закономерно выделены как структурно важные государственные основы — военная мощь России и царящее здесь «рабство». Примечательно, что Токвиль считает необходимым уточнить: Россия противостояла «хорошо вооруженным развитым народам» (296). Француза военные победы России должны были особенно впечатлять. Разгром Наполеона свершился совсем недавно, для исторического времени — «секунда», всего за двадцать три года до создания книги (в это «мгновение» включался и разгром польского восстания). «Рабство» — крепостное право — по какой-то парадоксальной

¹ Книгу *О литературе Южной Европы* Сисмонди Пушкин, по-видимому, хорошо знал, она была для него источником сведений об итальянской литературе. По мнению Б. В. Томашевского, поэт позаимствовал из нее свое понимание термина «conceitti», а также негативное отношение к драматургическому приему «de l'apparte» («реплики в сторону») и эпиграф из Ипполита Пиндемонте к *Кавказскому пленнику*. См. об этом: *Томашевский Б. В. Пушкин и Франция*. Л., 1960. С. 460–461.

исторической логике победам не помешало. Токвиль включает в свои рассуждения и показатель роста населения: «Все остальные народы, по-видимому, уже достигли своего количественного роста <...> эти же постоянно растут». Франция всегда гордилась своим предназначением в мире, но этот француз, забыв о своей стране, кончает книгу неожиданным прогнозом:

«У них <США и России. — Л. В.> разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать *хозяйкой половины мира*» (296; курсив мой. — Л. В.).

Пушкин этот удивительный для тридцатых годов XIX века прогноз должен был уже знать. Александр Тургенев привел его в *Хронике русского*, присланной для первого тома «Современника», с показательным сокращением: он не процитировал слова о «рабстве». Пушкин, как можно предположить, красноречивое *усечение* заметил — сам этот факт активизировал мысль и звал к раздумьям о судьбах России. Отклика поэта на прогноз Токвиля мы не знаем, Пушкин по этому поводу не оставил свидетельств. Однако можно предположить, что лестные слова француза он воспринял настороженно. Французские политические мыслители (де Сталь, Ансело, позже — де Кюстин), посетившие Россию в десятилетия-двадцатые годы и увидевшие воочию *деспотизм* и *рабство*, вынесли совсем иное впечатление от страны и построили совсем иные прогнозы. Пушкин знал взгляды де Сталь и Ансело и понимал причину различия оценок французских травелеров: в отличие от своих предшественников, Токвиль *собственными глазами* России не видел.

Попытка реконструкции реакции поэта на прогноз Токвиля вряд ли возможна, и вряд ли такой подход можно было бы назвать научным. Естественно другое: попытаться реконструировать пушкинскую оценку книги *De la Démocratie en Amérique*. Пушкин прочел ее внимательно (свидетельство тому — реминисценции из книги в его статье *Джон Теннер*¹), нашел в ней отклик на многие тревожащие его вопросы (а в ее авторе — в чем-то единомышленника) и, не разделяя общей апологетической тональности книги, дал ей в целом высокую оценку, назвав «славной» (то есть *знаменитой*) и включив ее автора в число «*глубоких умов*» (XIV, 104; курсив мой. — Л. В.).

¹ Ср., например, токилевскую характеристику богача («Одет он просто, походка его скромна...»; 147) Пушкин перефразирует на свой лад: «Богач, одевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты...» (XIV, 105).